

II. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

УДК 9(571.1/5)

В.Н. Кудряшев

НАРОДНИКИ И «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» (40–80-е гг. XIX в.)

Рассматриваются взгляды русских народников второй половины XIX в. по национальному вопросу в истории Российского государства. Раскрываются революционные и реформистские варианты, предлагавшиеся социалистами для разрешения польско-русских противоречий.

Ключевые слова: польский вопрос, народники, общественное движение.

Русско-польские отношения – один из наиболее острых и постоянно об-суждаемых вопросов второй половины XIX в. Причиной, прежде всего, была «неуспокоенность» Польши, не смилившейся с утратой государственности и активно сопротивлявшейся русификаторской политике царского правитель-ства. Интерес русских социалистов к «польскому вопросу» был значитель-ным.

Чаще других к событиям в Польше обращались А.И. Герцен и М.А. Ба-кунин. Оба считали взаимоотношения двух славянских народов сложными и неоднозначными как в прошлом, так и в настоящем. М.А. Бакунин связывал Польшу и Россию единой судьбой, фатально драматичной, неизбежной, дол-гой и печальной историей, «последствия которой приходится терпеть обеим странам, и, в силу этого, взаимно ненавидеть друг друга» [1. С. 46]. А.И. Гер-цен пытался разобраться в исторических корнях длительного противостояния России и Польши: «Откуда взялось непреодолимое чувство неприязни, кото-рое влекло сначала Польшу на Русь, потом Русь в Польшу» [2. С. 89].

Корни эти он видел в противостоянии двух начал: «Русь сохранила об-щину, развила государство, образовала войско, но не развила вольного чело-века. Против нее равной своим гнетом стояла Польша, неравная в своей сво-боде» [2. С. 89].

Но главное, что трагически объединяет судьбы России и Польши и одно-временно противопоставляет два народа – участие России в разделах Польш-и: «Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная победа соединила Польшу с Россией ... Из-за Польши Россия приняла первый черный грех на душу. Раздел ее останется на ее совести. Менее преступно было бы взять сразу всю Польшу за себя, чем делиться ею с немцами» [2. С. 87]. С данной оценкой солидарен М.А. Бакунин: «...русское сердце обливается кровью от боли и стыда, что немецкие обладатели русского скипетра жестоко предали брат-ский славянский народ германским тиранам» [3. С. 58]. В то же время М.А. Бакунин указывал на историческую ответственность русского народа за деяния Российской империи. Отношение к России в Европе было очень непростым и противоречивым: «...имя русского является синонимом грубо-го угнетения и позорного рабства», и этот русский, по мнению той же Евро-

пы, «есть не что иное, как гнусное орудие завоевания в руках ненавистнейшего и опаснейшего деспотизма» [4. С. 39].

На русский народ смотрят как на врага цивилизации и человечества, он ненавидим, страшен и почти презираем, ибо он является пассивным исполнителем чужой воли, которая противна интересам его чести. Россия, «...поднявшись до чина первостепенного государства, стала поощрением и преступлению, и угрозой всем святым интересам человечества, и «русский» в официальном смысле значит раб и палач» [1. С. 40].

Но, говоря, пусть даже о косвенной, вине русских за агрессию царизма, империи, ни Бакунин, ни Герцен не ставили знак равенства между понятиями «государство» и «народ». В речи 29 ноября 1847 г. М.А. Бакунин говорил про подавление польского восстания 1831 г.: «Эта война была начата в интересах деспотизма, а никак не в интересах русской нации, ибо эти две категории совершенно противоположны друг другу» [1. С. 40]. М.А. Бакунин четко разграничивал их будущее. Даже если у русского народа сейчас нет свободы, а, следовательно, нет «ничего, что составляет достоинство и гордость» [1. С. 40], то все равно это «народ, который не избавлен ни от какой муки» [1. С. 43]. Такой судьбы, которую уготовила ему царская власть, русский народ не заслужил. Будущее его в революционном освобождении, и он еще воспрянет в своей свободе. Что же касается империи: «Этот принцип абсолютистской власти, который бежал в Россию и окопался в этой стране, как в своем последнем оплоте, дабы отсюда по мере возможности снова распространиться по всей Европе, еще мрачнее и ужаснее, чем прежде» [4. С. 47]. Российская империя (как и другие империи) достойна гибели быстрой и бесславной.

В работах М.А. Бакунина и А.И. Герцена неоднократно повторялась мысль о том, что русский народ тоже угнетен, причем той же силой, что поработила Польшу, – самодержавием. Только этот гнет по отношению к русским носит социальный характер. Следовательно, у польского и русского народов один враг, и революционный союз двух народов возможен и необходим. М.А. Бакунин подчеркивал, что, держа Польшу в рабстве, русский народ сам становится рабом и этим убивает себя окончательно, «...ибо уродливо, нелепо, преступно, смешно и практически невозможно в одно и то же время восстать во имя свободы и притеснять соседние народы» [5. С. 1026]. Более того, через освобождение Польши придет освобождение России: «Польша это стрела в русском теле, через унижение Польши истекает кровь русская деспотия, крест, на котором она распинает мученика, будет ее собственным позорным столбом, у которого она окончит свою мирскую жизнь» [3. С. 58].

Еще в ноябре 1847 г. на торжестве, посвященном восстанию в Варшаве 1831 г., М.А. Бакунин высказал мысль, которая легла в основу всей его дальнейшей революционной деятельности: освобождение славянских народов возможно только через свободную Польшу и возмущенную и восставшую для свободы Россию.

По мнению М.А. Бакунина, революционный союз между поляками и русскими зародился еще в 1824 г., когда русские заговорщики – декабри-

сты – первыми переступили через пропасть, которая разделяла народы двух стран. Это произошло в силу того, что «декабристы слушались только своего патриотизма, не обращая внимания на предубеждения, которые для поляков были сильнее по отношению ко всему, что носило имя «русское». Русские обратились к полякам без недоверия, без задней мысли, они предложили им общее действие против общего врага, против единого врага» [1. С. 45]. Эти страницы прошлого – гордость каждого русского, который любит свое Отечество. И это прошлое, эти люди, по мнению М.А. Бакунина: «Наши доказательства перед вами (поляками. – В.К.) и перед миром, что Россия содержит в себе элементы свободы и истинного величия. Стыд, стыд тому из нас, кто не признает этого» [1. С. 45].

«Мы дети одной природы, наши судьбы нераздельны, наше дело должно быть общим», – говорил М.А. Бакунин, и то, что это так «хорошо поняли сами поляки, написав на своих революционных знаменах русские слова «за нашу и за вашу вольность». В самый критический момент Варшава собралась в один день под влиянием великой братской мысли отдать честь публично и торжественно, как в этом убежден М.А. Бакунин, «героям мученикам 1825 года Пестелю, Рылееву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину, Каховскому, повешенным в Петербурге за то, что они были первые граждане России» [1. С. 41].

А.И. Герцен трактовал польский вопрос как вопрос по преимуществу русский, так как освобождение Польши нужно России не меньше, чем полякам. Борьба поляков за независимость предстает как борьба свободных личностей против силы бесправия. Но в таком случае все, кто выступает против бесправия и произвола, являются естественными союзниками поляков и должны их поддержать. Обращаясь к русским, А.И. Герцен говорил: «Соединитесь с поляками на общую борьбу за нашу и их вольность, и грех России искупится, и мы с гордостью и умилением скажем когда-нибудь миру: Польша не сгинула бы и без нас, – но мы облегчили ей тяжкую борьбу» [2. С. 93].

Указывая на царизм как на общего врага польских и русских революционеров, А.И. Герцен отмечал, что методы, используемые самодержавием в борьбе с революционным движением в Польше и России, не различаются. Давая оценку действиям русской армии при подавлении польского восстания 1863 г., он писал: «Это полицейское усмирение войсками, это те же ружья, которые стреляли в Бездне, это те же приклады, которые били петербургских студентов, это те же штыки, которые будут колоть крестьянина русского... за то, что он хочет с волею землю» [6. С. 26].

А.И. Герцен, очевидно, преклонялся перед участниками польского национально-освободительного движения. Польских революционеров 1830 и 1848 гг. А.И. Герцен представлял как романтических героев, которые под давлением превосходящих сил русского самодержавия вынуждены были отступить, эмигрировать, но, перейдя границу, они взяли с собой свою Родину и, не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свету» [2. С. 88]. При этом он подчеркивал в поляках их готовность сражаться за свободу не только Польши, но любого народа, который позовет их. Не единожды воз-

вращается А.И. Герцен в своих статьях к словам Станислава Ворцеля, сказанным Ламартину: «На всякой переключке народов в минуту боя, на всякий призыв к оружию за свободу Польша отвечает: «здесь». Она готова по первому зову идти на помощь народам утесненным, она видит в каждом освобождении – освобождение Польши» [7. С. 437].

В польских повстанцах 1863 г. А.И. Герцен видел героев, в которых «изящно сочетались два великих наследства двух великих покойников: все чистое, восторженное и преданное рыцаря, со всем доблестным и могучим древнего римского гражданина» [6. С. 26]. В то же время, при очевидной солидарности А.И. Герцена и М.А. Бакунина с польским национально-освободительным движением, между ними существовали значительные идейные и доктринальные разногласия. А.И. Герцен осознавал, что сама идея свободы трактуется по-разному. Поляки боролись прежде всего за свободу национальную, в то время как народники своей целью ставили борьбу за свободу социальную. О сложностях, возникавших в связи с этим, А.И. Герцен вспоминал позже в книге «Былое и думы». Расхождение взглядов было существенным и мешало стратегическому союзу русских и польских революционеров, основой которого должно было стать не только наличие единого врага, но и единство целей [8. С. 135–136].

На данное обстоятельство указывал М.А. Бакунин в письме А.И. Герцену и Н.П. Огареву от 1 августа 1863 г.: «Да, с поляками нам трудно. Знаете ли, что Демонтович (один из руководителей польского восстания 1863 г. – В.К.) мне напоследок сказал? Что он не только не желает, но боится, как страшного зла, русской революции, и что если бы ему пришлось выбирать между новой победой императорства и перед спасением Польши через русскую революцию, то он хотел бы скорее временной диктаторской победы, потому что от императорства будет еще возможность рано или поздно освободиться, в то время как революция социальная, русская, вызвав наружу польское варварство, окончательно затопит русскую цивилизацию» [9. С. 234–235]. Но противоречия с аристократической верхушкой польского освободительного движения не лишали М.А. Бакунина надежды на «хлопскую Польшу» и «хлопскую», т.е. крестьянскую, революцию, которая, начавшись в Польше, неминуемо должна была распространиться дальше на восток и, охватив Украину, Литву и Белоруссию, перекинуться в Великороссию [8. С. 368].

Необходимость радикализации польского национально-освободительного движения и сочетания в его требованиях национальных и социальных задач красной линией проходит через работы А.И. Герцена и М.А. Бакунина. По-настоящему союзнические отношения польских и русских революционеров будут возможны только на почве социальной борьбы, равно как союз и дружба Польши и России будут действительно прочными после социальных революций и преобразований.

М.А. Бакунин и А.И. Герцен были сторонниками компромисса с польским освободительным движением. Его достижение по программным вопросам было воспринято А.И. Герценом как общая победа [8. С. 369]. А.И. Герцен писал, что ему легко идти с поляками после признания теми «прав крестьян на землю, обрабатываемую ими» [10. С. 249]. Поэтому он желал

Польше добиться независимости, чтобы та явилась «славянским поюневшим атлетом, подавшим одну руку бедному хлопку, а другую равноправному соседу» [10. С. 250]. В то же время нельзя считать, что народники добивались включения социальных требований как условия поддержки национально-освободительной борьбы поляков. Эта поддержка была постоянной и безусловной.

В исторической литературе достаточно часто указывается на больший, чем у А.И. Герцена, радикализм в воззрениях М.А. Бакунина по национальному и, в частности, польскому вопросу. Представляется, что такое впечатление может сложиться из-за разной частоты обращения к польским событиям, различий в причинах, проблематике данных обращений, в свою очередь, вытекающих из специфики общественной и революционной деятельности М.А. Бакунина и А.И. Герцена. М.А. Бакунин, занимавшийся преимущественно практически-организационной деятельностью, акцентировал внимание на странах и регионах, находившихся в кризисной либо в революционной ситуации. Его внимание к Польше всегда усиливалось в периоды восстаний и иных социальных катаклизмов. Проблематика речей и публицистики М.А. Бакунина о событиях в Польше поэтому всегда связана с революционной темой, и выдвигаемые задачи носят радикальный характер.

А.И. Герцен, особенно в период деятельности в «Колоколе», к польской теме обращался постоянно в периоды всплеска национальной и социальной борьбы и в периоды затишья. Главной своей задачей А.И. Герцен считал необходимость постоянно будировать русскую общественность, напоминая об ответственности за происходящее в Польше, за ее угнетение. Например, в 1857–1858 гг. в «Колоколе» нет специальных программных публикаций на эту тему, но А.И. Герцен старался привлечь внимание читателей на польские дела. Он писал о жесткости царской цензуры, запрещавшей не только печатать статьи о крепостном праве, но даже перепечатывать статьи, опубликованные в петербургских и московских журналах; требовал ускорения восстановления Варшавского университета; введения в школах преподавания польского языка [11; 12. С. 345]. В статьях этого периода, безусловно, прослеживается надежда А.И. Герцена на то, что реформаторский потенциал Александра II реализуется и в решении польских проблем. В то же время это не снижало накала критики действий русской администрации в Польше, как и критического отношения к самому русскому царю [12. С. 345].

С обострением ситуации в начале 60-х гг. XIX в. резко изменилась тональность материалов «Колокола» о Польше. Усилилась агрессия по отношению к царскому правительству и обострялся призыв к русской общественности поддержать поляков в их борьбе: «В Варшаве сейчас кровь безоружная... Петербург не признает никаких прав за Польшей, и тот час большая часть мыслящей России признала правоту польского дела и наперерыв стремится заявить свое сочувствие народу польскому, в то самое время, когда поляки с большим доверием, чем когда-нибудь, протягивают руку нам, русским, разрывающим всякую солидарность с царскими опричниками и писарями» [13. С. 125]. А.И. Герцен подчеркивал, что правительство не

только само провоцирует радикальные выступления в Польше, но и расширяет границы будущего восстания [13. С. 125].

«Колокол» активно формировал у читателей представление, что в России есть силы, способные поддержать поляков в борьбе. А.И. Герцен писал, что меняются настроения даже в армии. Если во время польских событий 1831 и 1849 гг. русские офицеры и солдаты были верны самодержавию, то в 1861 г. солдаты отказались стрелять в демонстрантов в Варшаве [14. С. 44–45]. Появились известия о русских офицерах, готовых перейти на сторону поляков. А.И. Герцен оценивал их как героев и «будущих мучеников русского земства» [15. С. 104]. Начавшееся 15 января 1863 г. восстание в Варшаве вызывало у А.И. Герцена противоречивые чувства. Он обвинил царское правительство и польскую аристократию, ничего не сделавших для предотвращения кровопролития. Их близорукая политика вызвала братоубийственную войну. Он писал, что вновь руками русских солдат пытаются задушить польскую свободу. А.И. Герцен подчеркивал трагизм положения русских воинов, вынужденных либо быть палачами людей, вызванных на восстание, либо идти против своих [6. С. 25–26]. Но если отношение А.И. Герцена к восстанию неоднозначно, то поддержка восставших очевидна: «Мы с Польшей потому, что мы за Россию, мы со стороны поляков потому, что мы русские. Мы хотим независимости Польши потому, что мы хотим свободы России. Мы с поляками потому, что одна цепь сковывает нас обоих. Да, мы против империи потому, что мы за народ» [11. С. 9].

Оптимальным решением национального вопроса, в том числе польского, М.А. Бакунин и А.И. Герцен считали создание славянской федерации. М.А. Бакунин еще в 1848 г. призывал славян к революции, которая уничтожит поработившие их империи. Ликвидацию империй, в том числе российской, и обретение суверенитета народами он полагал необходимым начальным условием строительства общеславянского союза. М.А. Бакунин не скрывал ненависти к «поганой всероссийской империи»: «Хотим, чтобы Польше и Литве, Украине, финнам и латышам, прибалтийским, а также кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою, и устроиться по своему произволу без всякого с нашей стороны вмешательства, прямого или косвенного» [3. С. 60]. Рассуждая о политических основах всеславянской федерации, М.А. Бакунин одним из важнейших принципов считал принцип независимости и самоопределения народов. Несмотря на общие черты характера и общежития, у каждого славянского народа есть свои особенности, и «поэтому каждый народ может себе по своей воле дать такое правление, какое соответствует его обычаям, потребностям и его условиям» [16. С. 89].

Хотя дело революционного освобождения славян, по мнению М.А. Бакунина, начнется не в России, а в других славянских странах, и только потом революция произойдет в России, именно она (Россия) возглавит славянский мир в федерации, ибо у русского народа есть будущность, «которая, наверно, будет опорой и силой славянства» [1. С. 41]. Эта будущность кроется в скрытом, подавленном пока, демократизме русского народа. Говоря о потенциальном лидерстве России в будущей федерации, М.А. Бакунин подчерки-

вал, что оно возможно, только если Россия сохранит и укрепит доверие со стороны славянских народов. Он категорически исключал любую русификацию славянской федерации. Солидарность и братство России со славянскими или другими народами не должны породить того, чтобы «великороссийская национальность» стала «национальностью целого мира». Безнравственно требовать от народов такой платы за их освобождение. Принцип солидарности в отношении независимости и абсолютной свободы народов связан с принципом самоопределения; ведь федерация основывается на понятии народа как единого целого. Каждый народ имеет право быть самим собой, независимо от обитаемой им территории, национальных задач, культуры языка. Но как конкретно будет реализовываться самоопределение, М.А. Бакунин решать не брался. Все будет зависеть, говорил он, «...от степени самостоятельности стран и народов, от их способности или неспособности жить между собой... чье духовное обаяние возьмет верх, где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут» [5. С. 1027].

М.А. Бакунин высказывал убеждение, что без польского «великославянского народа... славянский мир был бы неполон, ощутил бы ничем неместимую пустоту, был бы лишен своего венца» [5. С. 1027]. М.А. Бакунин помнил о сложности и неоднозначности польско-русских отношений, но считал, что революция может изменить и очистить их. В процессе освобождения русский и польский народы смогут стать «братьями, потому что братство... необходимо для общеславянского дела» [5. С.1027]. Идеал демократической свободы объединит эти народы. Более того, учитывая революционный потенциал, великую историю Польши, М.А. Бакунин не исключал, что она станет одним из центров влияния в будущей федерации: «Всякому народу, всякому малому и великому племени» будут «вполне предоставлены возможности права поступать по воле»; быть ли ему в «польской ли, русской ли или общеславянской федерации» [5. С. 1027].

А.И. Герцен также полагал, что будущее русско-польских отношений зависит от того, смогут ли русские стать союзниками поляков в борьбе за освобождение. Во время Крымской войны в Письме к Русскому воинству в Польше он писал: «Чего хочет Польша? Польша хочет быть свободным государством, она готова быть соединенной с Русью, но с Русью свободной. Для того, чтобы объединиться с Русью, ей необходима полная воля... Если русские не поймут необходимости восстановления Польши, Польша при развязывании войны все-таки отделится, или хуже, ее отделят. Она делается не независимой, а чужой» [17. С. 204]. А.И. Герцен выступал с идеей добровольного объединения, свободной федерации России и Польши, которая приобрела новое звучание в тот момент, когда Россия, оставленная своими традиционными союзниками, вела тяжелейшую войну. А.И. Герцен предлагал превратить независимую Польшу в союзника России. Это изменило бы характер войны. Из борьбы европейцев с «жандармом Европы» она превратилась бы в национально-освободительное движение всех славян против работодателей.

А.И. Герцен неоднократно подчеркивал, что обретение Польшей суверенитета должно стать исходным пунктом построения последующих отноше-

ний: «Польша, как и Италия, как и Венгрия, имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России. Желаем ли мы, чтоб свободная Польша отторглась от свободной России, – это другой вопрос. Нет, мы этого не желаем...» [18. С. 18]. Будущее русско-польских отношений представлялось А.И. Герцену в виде федерации свободных национальных государств: «Федеральное соединение должно быть вольным даром, Россия не имеет прав на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сделали ее руками, и если Польша не хочет этого союза, мы можем об этом скорбеть, можем не соглашаться с ней, но не предоставит ей воли мы не можем, не отрекаясь от всех основных убеждений наших» [18. С. 18].

Народники понимали, что в русско-польских отношениях накопилось множество проблем, которые потребуют разрешения и в новых, послереволюционных условиях. В польском национально-освободительном движении господствовала идея восстановления Речи Посполитой «от моря до моря». Зная это, М.А. Бакунин в своем воззвании «Русским, польским и всем славянским друзьям» предположил, что поляки потребуют, может быть, слишком многого, они не удовольствуются одним Царством Польским, изъевают политические притязания на Литву, Белоруссию, даже включая Смоленск, на Лифляндию, Курляндию и на всю Украину, включая Киев. Одним словом, они захотят восстановить все Польское Королевство в прежних пределах. М.А. Бакунин был уверен, что поляки сделают огромную ошибку, ставя вопрос таким образом. Но он полагал, что их ошибка понятна и простительна: поляки лишены своей национальности, страдают под страшным и унижительным гнетом, со страстной грустью смотрят на свое прошедшее [5. С. 1026].

История Польши показывает много примеров величия и благородства. Но, по мнению М.А. Бакунина, народ, живущий воспоминаниями о прошлом величии, может утратить будущее. Кроме того, возврат к старым границам Польши нарушит права народов Литвы, Белоруссии, Украины. Ведь национальное угнетение существовало и в Польше, где все считались поляками, а мнение «черного люда» никого не интересовало. Свобода, о которой ностальгирует польская аристократия, была свободой для панов, шляхты. Как с иронией писал М.А. Бакунин, «свобода в античном смысле», когда свобода немногих избранных сочеталась с рабством большинства. Он сомневался, что крестьяне украинские, курляндские, да и польские захотят возврата к «старым добрым временам» сословности и феодализма. Поэтому, повторял М.А. Бакунин, «я думаю, поляки ошибаются, когда, не спрашивая украинский народ, они вперед присваивают себе Украину лишь на основании исторического права» [5. С. 1026]. Он не брался определять будущие границы, делегируя подобное право самим народам. Для М.А. Бакунина принципиальна свобода выбора «всякого малого и великого племени», это категорическое требование он повторял неоднократно [5. С. 1026]. М.А. Бакунин отвергал вероятные обвинения со стороны «николаевских патриотов» в стремлении развалить Россию, отторгнув в пользу Польши Литву, Украину, Бело-

руссию: «Я говорю только, что для меня и для всех единомышленников моих, а нас много, верховный закон – это воля самих народов» [5. С. 1027].

Логика М.А. Бакунина выглядела следующим образом. Распад Российской империи зреет в её недрах. Само самодержавие жестоким угнетением народов готовит освободительные революции. Перспектива утраты западных земель России в результате этих революций реальна, если ничего не менять. Польша вольна делать, что захочет, но «патриоты» кричат об опасности восстановления сильного польского государства как монархии, подобно Речи Посполитой XVI–XVII вв., враждебной Русскому государству. Такую вероятность Бакунин отрицал: «Неужели вы не видите, что возможна только одна хлопская Польша. Ведь панскими программами ни одного хлопа не расшевелишь» [5. С. 1026].

Другое дело, если Польша раньше России встанет на путь социальных преобразований. Тогда она станет притягательным примером для других народов, центром славянской федерации. Тогда для России возможна реальная угроза быть отброшенной к границам Азии: «Итак, весь вопрос о границах возвращается к тому, что прежде осуществится: Хлопская Польша или крестьянская Россия» [5. С. 1027]. В любом случае М.А. Бакунин считал приоритетной задачу создания союза для совместной борьбы с царским правительством: «...нужны дела, и к делу мы готовимся. Не мы одни, вся Россия с нами готовится. Вопрос в том: подаст ли нам Польша руку на дело? Чтобы действовать сильно против общих врагов, надо действовать вместе. А для того, чтобы действовать дружно, надо сговориться» [5. С. 1026].

А.И. Герцен также осознавал сложность и запутанность ситуации с определением будущих государственных границ между Польшей и Россией, стремился найти такие варианты решения данной проблемы, чтобы они не стали поводом к вражде между двумя народами. В отличие от М.А. Бакунина, неоднократно повторявшего о необходимости уничтожения всех европейских империй (и Российской в том числе), А.И. Герцен противопоставлял будущее Австрийской империи и России: «Империя австрийская не имеет никакой будущности; когда ее отменят, тогда только люди удивятся, как могла существовать такая нелепость, сшитая из лоскутков конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображениями» [18. С. 19]. Россия, напротив, «такая же живая личность, как Англия, как Франция». Более того, по мнению А.И. Герцена, эти страны уже сходят с исторической арены, а Россия «только вступает на плац, на народное место в истории» [18. С. 19]. Он полагал, что в России сформировалось национальное единство, «сходное по крови, по языку, по духу». Такой результат достигнут в ходе длительной исторической эволюции, поэтому: «...каждый русский осознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем народонаселением, воспитанным в том же сельском быту со своим общинным порядком и разделением полей» [18. С. 19].

По Герцену, важным элементом чувства самоидентификации русского народа являлось ощущение единого пространства, им занимаемого, и необходимость защиты границ от внешней агрессии: «Оттого-то, где бы русский ни жил в огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном, он

прислушивается, когда враги переходят русскую границу, и готов идти на помощь Москве так, как шел в 1612 году и в 1812 годах» [18. С. 20]. А.И. Герцен подчеркивал важность вопроса о границах, поскольку это один из существенных элементов российского менталитета. При этом любовь к своей Родине, своему народу не должна перерастать в национальный эгоизм, а патриотизм – в шовинизм. В будущем социализм уничтожит национальные границы, но пока вопрос весьма актуален [18. С. 20].

По мнению А.И. Герцена, в народном сознании русских идентичность поляков как отличной, отдельной нации безусловна, но «...где черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша?» [18. С. 20]. Исторически граница постоянно «блуждала», перемещаясь то на Восток, то на Запад в результате агрессивных войн, переменного удачных для России, либо Польши, но Герцен – категорический противник разделения государства «по праву завоевателя», так как «завоевание – факт, а не право» [18. С. 21]. Он размышлял о возможности выбора в качестве разграничительного критерия языка, религии: «Там, где народ исповедует православие, говорит языком, близким более к русскому, чем к польскому, там, где он сохранил русский крестьянский быт, сходку, общинное владение землей, – там он, вероятно, захочет быть русским. Там, где народ исповедует католицизм или унию, там, где он утратил общину и общинное владение землей, – там, вероятно, сочувствие Польше сильнее, и он пойдет с ней» [18. С. 21].

А.И. Герцен призывал не уподобляться участникам Венского конгресса и других вершителей судеб народов, проводивших границы без согласия и участия самих народов. Главное слово должно оставаться за украинским народом. Он, испытавший и польский и русский гнет, вправе сам решать свое будущее: «По-моему, вопрос разрешается очень просто. Украину следует в таком случае признать свободной и независимой страной. У нас, людей изгнания, – печальных свидетелей стольких неудачных сочетаний и распадений не может и не должно быть речи о том, кому должна принадлежать та или иная часть населения» [18. С. 21–22]. А.И. Герцен был уверен, что украинцы не потеряли чувства народности, напротив, родовое сознание у них очень развито [18. С. 22]. Поэтому не надо решать за народ и перетягивать его насильно в чье-либо государство. Право на самоопределение должно быть универсальным. Как русские не могут быть свободными, угнетая поляков, так и поляки, освободившись, должны признать право украинцев на государственность: «...что же это будет за шаг к их освобождению, когда, снимая московские цепи, им скажут, что они должны принадлежать Польше» [18. С. 22]. А.И. Герцен призывал дать свободу развития украинскому языку, культуре, и тогда станет реальной перспектива равноправного союза братских, славянских народов [18. С. 22]. Он подчеркивал преимущества федерализма; ведь при условии реального равноправия не будет необходимости разрывать сложившиеся исторические связи. Но без решения социальных задач привлекательность такого союза ничтожна. Поэтому то государство (Россия или Польша), которое станет лидером в деле освобождения крестьян, строительства нового общества, сможет претендовать на роль центра славянской федерации [18. С. 23].

Таким образом, русско-польские отношения народники рассматривали как частную (хотя и важную) проблему в деле глобального освобождения славянских народов. Все славянские народы, в том числе русский, испытывали имперский гнет, национальный или социальный. Освобождение возможно через всеобщую революцию. Поэтому польское национально-освободительное движение – естественный союзник русских революционеров-социалистов. Идея национального освобождения Польши бесспорна, но должна дополняться социальными требованиями. Вместе с тем, если М.А. Бакунин предполагал полное уничтожение имперской государственности и создание федерации «снизу» путем добровольного объединения наций, то А.И. Герцен допускал сохранение российского многонационального государства с переходом от унитаризма к федеративным отношениям. При этом обретение Польшей суверенитета и исключительно добровольное присоединение к России являются безусловными и обязательными.

Данный подход заметно преобладал в народнической литературе и периодике 1870–1880-х гг. В первом номере журнала «Вперед», вышедшем 1 августа 1873 г., содержатся доктринальные установки революционного народничества. Здесь четко определялась приоритетность задач социальной революции: «Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный... Вопрос национальный, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть перед важнейшими задачами социальной борьбы» [19. С. 23, 26]. В программе отмечался прогрессивный и справедливый характер национально-освободительной борьбы славян против османской и германской империй. Но союзниками своими русские народники видели только те «социальные» партии, которые не ограничиваются борьбой за национальную независимость, а «пишут на своем знамени рядом с девизом независимой национальности девиз социальной борьбы против монополии частных собственников и капиталистов, научной борьбы против религиозного элемента» [19. С. 26–27].

Это, по мнению «впередовцев», позволило бы решить и «самый трудный», по-видимому, для русского вопрос – польский». Ликвидация Российской империи, эксплуататорского государства, снимет проблему государственных границ между Польшей и Россией. Общины сами будут выбирать, «независимо от предыдущей истории, к какой национальности, к какому государству или социальному центру страна потянется» [19. С. 26–27]. Здесь же однозначно определялось отношение к аристократическому крылу польского освободительного движения: «Защитники преобладания шляхты и союзники католицизма – наши враги, потому что они, прежде всего, враги народа польского» [19. С. 27].

В открытом «Письме исполнительного комитета «Народной Воли» заграничным товарищам», подготовленном в конце 1881 г. Л.А. Тихомировым, замечен отход от федералистских принципов, свойственных А.И. Герцену и М.А. Бакунину. Здесь прямо заявлялось: «Мы, собственно говоря, не федералисты...». Народовольцы исходили из того, что государственное устройство после революционного мира будет определять экономическая целесообразность: «Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее малых... Область, составляющая один экономический район, поступила бы

очень глупо, разделившись на несколько государств по национальностям. Со временем весь земной шар составит один экономический район, и поэтому наши идеи вовсе не рисуют нам раздробление, например, России» [20. С. 320]. Но Л.А. Тихомиров одновременно подчеркивал, что ряд национальностей, прежде всего Польша, которую «историческое прошлое заставляет стремиться к независимости», имеют право на национальное самоопределение. Уникальность Польши и возможность реализации ее национального самоопределения выделялись в документе дважды. Для остальных народов самоопределение представлялось «неразрешимым», а сама проблема «сочиненной».

Здесь уместно говорить о некоторой трансформации взглядов народничества на национально-освободительное движение (в т.ч. польское). Социалисты 1840–1850 гг. рассматривали национально-освободительную борьбу славянских народов как силу, способную потрясти государственные устои тогдашней Европы. На волне освободительных революций они рассчитывали решить задачи и социального обновления путем радикализации национальных движений, и внесения в них социально-политических целей. Поэтому в целом отношение русских социалистов к польскому освободительному движению было позитивным. В Европе данный период характеризовался крайней нестабильностью: социальная борьба, как и национальные движения, была на подъеме. Все это вызывало энтузиазм у русских революционеров, не ограничивавшихся в своих социалистических устремлениях только Российской империей.

Особенно ожидание глобальных масштабов социальных катаклизмов было свойственно М.А. Бакунину, который ждал в скором будущем гибели в пламени революций не только российской, но и всех других империй. Постоянно «полахавшая» и неуспокоенная Польша виделась передовым отрядом этого будущего революционного очищения Европы от национального и социального гнета. Однако в 1870–1880-е гг. ситуация существенно изменилась. Идея освобождения балканских славян стала заложницей межимперских столкновений, и ее активно использовала царская внешняя политика. Освободительная борьба в Польше трансформировалась в менее активные и радикальные формы. Это обстоятельство можно рассматривать как одну из причин ослабления интереса народнических организаций к идее всеславянской федерации. При сохранении в целом позитивного отношения к идее федерального устройства послереволюционной России социалисты радикального крыла в системе идеологических приоритетов низводили национальный вопрос до уровня второстепенного, решаемого в ходе социальной революции.

Существенно отличаются от представлений революционных народников идеи реформистского крыла народнического движения, сформировавшегося в 1880-е гг. Не принимая революционных методов борьбы, они выступали против разрушения многонационального Российского государства.

Народники-реформисты всех оттенков считали, что Россия – страна многонациональная, но единая и неделимая. Так, И.И. Каблиц обращал внимание на то, что политическое тело России состоит из множества этнографиче-

ских элементов, при этом большинство народов, входящих в состав империи, малочисленно по сравнению с «цементирующим великорусским племенем». В то же время есть и крупные этнографические элементы, такие как финны, поляки, малорусы, белорусы, татары, грузины и др. Поэтому народник считал, что в числе важнейших вопросов внутренней политики находится «вопрос об отношении господствующего племени к остальным, как к самостоятельным особям» [21. С. 344]. Аналогичной точки зрения придерживались С.Н. Южаков и С.Н. Кривенко [22. С. 144; 23. С. 158].

И.И. Каблиц обращал особое внимание на то, что русский народ в своем отношении к чужим племенам, вошедшим в состав его политического тела, способен отнестись беспристрастно и справедливо к их этнографическим требованиям. Это очень важно, ведь там, где пытаются нивелировать «этнографические особенности племени», у последнего появляется стремление к политической независимости, посредством которого оно старается обеспечить свою этнографическую обособленность. Там же, где никто не стремится нарушить эти особенности, население легко мирится с политической связью с чужим племенем, тем более, если их общие политические формы более или менее соответствуют их нуждам. При этом он считал, что при всем равенстве народов империи на долю русского народа выпадает особая ответственность за оборону, целостность страны. Но каких-либо юридических преимуществ русским, по его мнению, предоставлять не следует. Численность русских, их богатая культура служат залогом преобладания их влияния в государстве [21. С. 346–347].

Другой публицист, С.Н. Кривенко, в начале 1880-х гг. считал, что представители русского народа не должны выступать с воинственно-шовинистических позиций. Это только дискредитирует Россию в глазах мирового общественного мнения. Так, он в 1882 г. дал оценку националистическим и шовинистическим заявлениям генерала Скобелева. Публицист считал, что русским пока что нечего противопоставить Европе. Русская литература, наука, искусство недостаточно развиты, потому что в России всегда недоставало важнейшего условия – свободы. То же самое можно сказать о российских гражданских порядках, о российском аграрном устройстве и т.д. Фактически Россия не может предложить ничего другим народам Европы, в том числе и славянам. Генерал Скобелев предлагал объединение всех славян на основе племенной общности. Но, по мнению Кривенко, идея племенного объединения «весьма ветхая и притом такая, против которой нам могут сделать множество возражений». К тому же родственные русским славяне «живут в большем благосостоянии» и при турках, и после своего освобождения. Поэтому он делал вывод: «Прежде чем выступать с мечом за отдаленные народы, мы должны устроить благосостояние и правовой порядок для собственного народа согласно с его бытовыми особенностями, мирозерцанием и высоким идеалом общежития, должны открыть все шлюзы просвещения и дать ему обильную духовную пищу, должны открыть к нему доступ интеллигенции, без всякой боязни, что он не отличит добра от зла и истины от лжеучения» [23. С. 144–145].

Левые народники-реформисты придерживались более взвешенной и тактичной позиции по отношению к нерусским народностям. Если И.И. Каблиц отмечал, что «русский народ вообще не способен к национальному хищничеству и никогда сознательно не стремился обрусить чужое племя» [21. С. 348], то Южаков акцентировал внимание на том, что совершенно необоснованны высказывания шовинистически настроенных деятелей из консервативного лагеря, что якобы окраины имеют какие-то преимущества перед коренной Россией. Он указывал, что коренные губернии имеют сословное, земское и городское самоуправление, суд присяжных, некоторое число органов бесцензурной прессы. Все это свидетельствовало скорее о преимуществах коренных русских губерний перед окраинами [22. С. 158]. По мнению И.И. Каблицы, Россия была сложным полиэтническим образованием, объединенным государством, выполнявшим, прежде всего, оборонные, внешне-политические и правоохранительные функции. Духовное единство народов, «принадлежащих индо-европейской и тюркско-татарским расам» [24. С. 179], он считал необязательным и невозможным. В таких государствах у разных народов могут быть разные общественные формы. При этом нет формы универсальной, идеально подходящей всем народам. Для каждого народа оптимальной будет форма приспособления к его характеру и потребностям.

И.И. Каблиц призывал изучать опыт других народов, но бороться с национализмом считал несправедливым и невозможным. В основе национализма лежит чувство народа, поэтому противопоставлять ему какие-либо реформы, как нечто противоположное, значит подрывать идею этих реформ. Вместе с тем, по его мнению, внутри государства правомерна борьба за культурное преобладание между нациями, входящими в его состав. Исходя из этого, И.И. Каблиц полагал, что русский народ не должен принудительно навязывать финнам, полякам и другим народам России свои общественные формы. Но запретить пропагандировать их тоже нельзя. В свою очередь, такое же право культурной экспансии имеют и другие народы.

И.И. Каблиц осуждал политику царских властей, направленную на русификацию Польши. Он видел в поляках аванпост славянства против немецкой агрессии на Восток. В связи с этим необходимо не только прекратить в крае проведение русификаторской политики, но и на государственном уровне помочь развитию польского языка и польской культуры [21. С. 364–365]. Как социалист, И.И. Каблиц, естественно, не мог обойти социальные проблемы. Он считал, что правительство должно провести реформы в интересах польского рабочего класса, по примеру крестьянских реформ. Это укрепило бы социальную опору сторонников политического союза с Россией [21. С. 365]. Одновременно он призывал не путать неверную политику русификации в собственно Польше с располячиванием Юго-Западного края. По его мнению, это русские земли, временно исторической судьбой переданные польскому государству, и их располячивание справедливо: «Только высший класс этих губерний состоит из поляков, и на этом основании те, которые ставят народ ни во что, считают их польскими. Следовательно, меры, направленные на располячивание этого края, должны носить характер самозащиты от остат-

ков польского господства, а не нападения на чужую национальность» [21. С. 352].

С.Н. Южаков считал данную проблему сложной и неоднозначной. Ведь в понятия «русификация» и «колонизация» можно вкладывать разное содержание. Так, обрусение может обозначать процесс восприятия русского языка, культуры группами нерусского населения, происходящий естественным путем, без принуждения. Другой вариант – политика искусственного обрусения, опирающаяся на принудительные меры [22. С. 165]. Подобным образом С.Н. Южаков предлагал относиться и к «колонизации». Несомненно, должны быть поставлены преграды всякому систематическому ополячиванию Западного края. Если колонизация носит естественный характер в силу роста польской культуры и распространения ее влияния, то и борьба с ней должна носить не государственный, а общественный, культурный характер [22. С. 165–166]. С.Н. Южаков отмечал, что среди поляков появилась тенденция к сближению («не поступаясь своею народностью») с русским народом [22. С. 160]. Он анализировал работы Д. Багницкого, называвшего себя представителем Русской партии в Польше и выступавшего за «неразрывную реальную унию» России и Польши на началах административной автономии, местного самоуправления, прекращения обрусительных методов. Эту часть программы Багницкого С.Н. Южаков называл достойной сочувствия во всех отношениях. Но далее Багницкий предлагал собрать этнические польские земли под скипетром Романовых, «расплатившихся» за них с Австрией и Германией восточноевропейскими (в то числе сербскими) землями. К этой части С.Н. Южаков отнесся скептически, посчитав их делом будущего [22. С. 168].

Народники-реформисты связывали окончательное решение национального вопроса с установлением справедливого социалистического строя. Но они считали, что реформы в данной области необходимо проводить и в рамках существовавшего строя. И.И. Каблиц и С.Н. Южаков выступали за сохранение национальной культуры и традиций народов, входивших в состав Российской империи, обличая русификаторскую политику самодержавия. В то же время они полагали, что попытка изменения внутренних границ по национальному признаку вызовет обострение и без того непростых межнациональных отношений. Поэтому, противясь национально-территориальной автономии, они выступали сторонниками национально-культурной автономии, совпадавшей с идеей межнациональной интеграции.

В заключение следует отметить, что отношение русских социалистов к польской проблеме было неоднозначным. Очевидное утилитарное стремление использовать национально-освободительное движение поляков для разжигания социальной революции в России и Восточной Европе не исключало симпатий русских революционеров к польским. В отличие от других представителей русской общественности, социалисты всегда поддерживали Польшу в борьбе с Российской империей, отвергая обвинения в непатриотизме. Однако окончательное решение национальных проблем в России они считали возможным только с построением социалистического общества после ликвидации социального угнетения.

Литература

1. Бакунин М.А. Речь, произнесенная в Париже на банкете в годовщину польского восстания 1830 г. // Избранные сочинения. Пгр.; М.: Книгоиздательство «Голос Труда», 1920. Т. 3. С. 39–46.
2. Герцен А.И. Поляки прощают нас // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 87–93.
3. Бакунин М.А. Воззвание к славянам // Избранные сочинения. Пгр.; М.: Книгоиздательство «Голос Труда», 1920. Т. 3. С. 47–63.
4. Бакунин М.А. Защитительная записка М.Бакунина от декабря 1849 – апреля 1850 г. // Собрание сочинений и писем (1828–1876 гг.). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. С. 31–93.
5. Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол, 1862. № 122–123. С. 1021–1028.
6. Герцен А.И. Resurrexit! // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 17. С. 25–27.
7. Герцен А.И. Смерть Станислава Ворцеля // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 437–443.
8. Герцен А.И. Былое и Думы // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 11. 805 с.
9. Бакунин М.А. Письмо А.И.Герцену и Н.П.Огареву от 1 августа 1863 г. // Письма М.А. Бакунина А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб.: Издание В. Врублевский, 1906. С. 232–236
10. Герцен А.И. Центральному польскому Комитету в Варшаве // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 249–250
11. Герцен А.И. MDCCCLXIII // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 17. С. 7–11.
12. Герцен А.И. Из Польши // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 345–346
13. Герцен А.И. Русские женщины – женщинам польским // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 125–127.
14. Герцен А.И. Vivat Polonia! // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 44–49.
15. Герцен А.И. Письма от офицеров // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 104.
16. Бакунин М.А. Романов, Пугачев или Пестель // Избранные сочинения. Пгр.; М.: Книгоиздательство «Голос Труда», 1920. Т. 3. С. 75–91.
17. Бакунин М.А. Исповедь. Письмо Александру II // Собрание сочинений и писем (1828–1876 гг.). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 4. С. 99–206.
18. Герцен А.И. Россия и Польша // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 7–59
19. Вперед – Наша программа. Передовая статья в т. 1 журнала «Вперед» (Август 1873 г.) // Революционное народничество 70-х гг. 19 в. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 1. С. 20–37.
20. Письмо исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х гг. 19 в. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 2. С. 315–322.
21. Каблиц И.И. Основы народничества. СПб.: Б.и., 1893. Ч. 2. 480 с.
22. Южаков С.Н. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 12. Отд. 2. С. 148–167.
23. Кривенко С.Н. По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1882. № 10. Отд. 2. С. 144–145.
24. Каблиц И.И. Основы народничества. СПб.: Б.и., 1888. Ч. 1. 465 с.
25. Южаков С.Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1897. № 9. Отд. 2. С. 150–175.